

А.П. Казун

*к.социол.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

И ДОВЕРИЕ, И ЗАКОН: КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛИЯЮТ НА СОБЛЮДЕНИЕ КОВИДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ¹

Аннотация. В статье приводится анализ взаимодействия социального капитала и формальных институтов в контексте соблюдения ограничительных мер во время пандемии COVID-19 в России. Опираясь на концепции социального капитала и институциональной экономики, исследование проверяет гипотезы о субституции или комплементарности этих механизмов. На основе данных онлайн-опроса «RoCIRR 2» (более 10 тыс. респондентов из 61 региона России в 2024 г.) изучается влияние обобщённого межличностного доверия и субъективных оценок качества государственных услуг (здравоохранения, полиции, судов) на степень толерантности/нетерпимости населения к нарушениям режима самоизоляции. Формулируются гипотезы о положительном эффекте формальных институтов и обобщённого доверия, а также об их взаимодействии как замещении или же взаимном усилении. Модели OLS с фиксированными эффектами регионов и контролями показывают, что доверие не имеет самостоятельного эффекта, но усиливает влияние качества институтов при их высокой оценке. При низком качестве институтов доверие снижает потребность в регулировании. Результаты вносят вклад в понимание роли неформальных норм в условиях среднеразвитых формальных институтов, характерных для России. Выводы имеют значение для политики по повышению готовности населения к следованию государственным директивам в кризисах, подчёркивая необходимость укрепления как доверия, так и формальных институтов.

Ключевые слова: *социальный капитал, формальные институты, доверие, COVID-19, соблюдение норм.*

JEL: Z13, I12, O17, P37

УДК: 334.01

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143

© А.П. Казун, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казун А.П. И доверие, и закон: как социальный капитал и формальные институты влияют на соблюдение ковидных ограничений // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 133–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

FOR CITATION: Kazun A. Both Trust and Law: How Social Capital and Formal Institutions Influence Compliance with COVID Restrictions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 133–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В научной литературе и публичном дискурсе уже многие годы обсуждается вопрос о том, при каких условиях эффективно функционируют формальные правила и в какой мере социальный капитал, включая межличностное доверие, способствует их соблюдению. Существуют противоречивые точки зрения на эту проблему. С одной стороны, социальное доверие может выступать в качестве компенсатора (дополнения) для неэффективных формальных институтов, помогая поддерживать социальный порядок там, где государственные механизмы слабы [Kumlin, Rothstein, 2005; Wu, 2021]. С другой стороны, неформальные институты, такие как доверие и нормы взаимопомощи, могут полностью замещать формальные правила, снижая необходимость в их развитии и совершенствовании [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010; Djankov et al., 2003].

Пандемия COVID-19 в очередной раз высветила эту дилемму. В регионах мира, где наблюдался более высокий уровень доверия к местным властям и развитый неформальный активизм, фиксировался повышенный уровень соблюдения масочного режима и самоизоляции. Напротив, в условиях преобладающего недоверия жёсткие ограничения часто оказывались менее эффективными, поскольку подрывалась их легитимность [Bartscher et al., 2021; Pitas, Ehmer, 2020]. В результате возникает фундаментальный вопрос: выступает ли социальный капитал заменителем для слабых (или только формирующихся) формальных институтов, или же эти два механизма способны действовать совместно, взаимно усиливая друг друга? Классические концепции социального капитала [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995] и институциональной экономики [North, 1990; Weingast, 1997] задают теоретическую рамку для анализа, однако допускают противоположные предсказания. В одних случаях доверие замещает формальные институты, делая развитие вторых ненужным, в других — качественные институты и социальный капитал образуют синергию, способствуя устойчивому развитию. Дополняя классические работы, современные исследования подчёркивают особую роль социального капитала в кризисных ситуациях, когда формальные механизмы подвергаются дополнительной нагрузке [Borgonovi, Andrieu, 2020; Makridis, Wu, 2021]. Это обуславливает для нас выбор ситуации пандемии COVID-19 в качестве характерного кейса, на примере которого можно раскрыть данную проблему.

Настоящее исследование вносит вклад в указанную дискуссию, эмпирически проверяя гипотезы субституции и комплементарности на основе данных крупномасштабного онлайн-опроса жителей России, проведённого в 2024 г. Мы фокусируемся на субъективных оценках качества ключевых государственных услуг и уровне обобщённого доверия как индикаторах формальных и неформальных институтов, соответственно. Нас будет интересовать ответ на вопрос о том, как готовность граждан следовать установленным государством нормам самоизоляции связана с качеством формальных и неформальных институтов. Такой подход позволяет не только выявить прямые эффекты институциональных факторов на соблюдение норм, но и проанализировать их взаимодействие в контексте новой социальной реальности.

Теоретическая рамка исследования

Социальный капитал традиционно принято интерпретировать как невидимый «смазывающий» механизм, который снижает издержки обмена и контроля в обществе [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995]. В этой перспективе социальный капитал способствует кооперации, уменьшая неопределённость в межличностных взаимодействиях. Норт подчёркивал, что формальные и неформальные правила действуют совместно, но их относительный вес определяется уровнем транзакционных издержек:

в условиях высокой неопределённости неформальные нормы, включая доверие, приобретают особую значимость [North, 1990]. Хелмке и Левитски ввели таксономию взаимодействий между формальными и неформальными институтами, разделив их на комплементы (дополняющие, Complementary) и субституты (заменяющие, Substitutive). Это позволяет классифицировать случаи, когда неформальные механизмы либо усиливают, либо подменяют формальные [Helmke, Levitsky, 2004].

Формальную модель «regulation-as-substitute-for-trust» предложили Агьон и его соавторы, продемонстрировав, что дефицит доверия усиливает общественный спрос на жёсткое государственное регулирование [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010]. В их модели недоверие порождает требование к регулированию, которое, в свою очередь, подавляет формирование доверия, приводя к множественным равновесиям. Ключевой вывод заключается в том, что в странах с низким доверием граждане предпочитают большее вмешательство государства, даже осознавая его коррумпированность. Этот же подход ещё ранее развивали Джанков с соавторами, вводя понятие «cost of disorder» — издержек, связанных с хаосом при слабых институтах [Djankov et al., 2003], а Бенабу и Тиrole, анализируя эффект «вытеснения» (crowding out), когда внешние стимулы (регулирование) вытесняют внутренние нормы (доверие) [Bénabou, Tirole, 2011]. В противоположном лагере — Ротштейн и Усланер, а также Кумлин, которые выступают за комплементарность: по их мнению, беспристрастное и эффективное государство само генерирует культуру доверия, которая, в свою очередь, облегчает функционирование институтов [Rothstein, Uslaner, 2005; Kumlin, Rothstein, 2005].

Межстрановые эмпирические тесты дают неоднозначные результаты. Нак и Кифер установили, что доверие ускоряет экономический рост, но этот эффект ослабевает после учёта качества прав собственности [Knack, Keefer, 1997]. Бьёрнсков подтвердил приоритет доверия в странах со слабыми законами [Bjørnskov, 2008], а Ахлеруп и соавторы выявили нелинейный эффект: вклад доверия угасает при высоком уровне верховенства права [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009]. Меон и Секкат, а также Гуизо с соавторами показали, что доверие и верховенство права выступают заменителями друг друга в вопросе стимулирования инвестиций, но при достижении определённого порога качества институтов они начинают взаимно дополнять и усиливать друг друга, создавая синергию [Méon, Sekkat, 2015; Guiso, Sapienza, Zingales, 2011]. Современный мета-анализ подчёркивает условность этих эффектов, зависящую от уровня развития страны [Alesina, Giuliano, 2015; Helliwell, Huang, Wang, 2014; Xue, Reed, Menclova, 2020; Zak, Knack, 2001]. Дополнительные исследования на примере развивающихся стран подчёркивают замещающую роль социального капитала при институциональных провалах [Annen, 2013; Borisova, Smyth R., Zakharov, 2024].

На микроуровне Аннен обнаружил, что в Боливии незарегистрированные в налоговых органах продавцы с развитыми сетями контактов достигают оборотов, сопоставимых с оборотами формальных фирм, находящихся на официальном налоговом учёте, т.е. социальный капитал подменяет официальные гарантии [Annen, 2013]. Аналогичный вывод для России делают Борисова, Полищук и Пересецкий: в товариществах собственников жилья соседская сплочённость компенсирует провалы формального управления [Borisova, Polishchuk, Peresetsky, 2014]. Исследования в Азии подтверждают подобные паттерны [Wu, 2021; Chen, Peng, Rieger, Wang, 2021].

Пандемия COVID-19 стала естественным экспериментом для проверки этих идей. Саррачино и его соавторы на данных Google Mobility выявили, что увеличение доверия на одно стандартное отклонение снижает мобильность на 3%, независимо от строгости мер [Sarracino et al., 2023]. Даниэле и его соавторы, а также Бартшер с соавторами зафиксировали усиление добровольного принятия на себя самоограничений благодаря социальному капиталу в Италии и Германии [Daniele et al., 2020; Bartscher et al., 2021]. Многие работы, посвящённые пандемии, подтверждают центральную роль доверия в обеспечении

коллективной защиты и снижения заболеваемости [Devine, Gaskell, Jennings, Stoker, 2021; Bargain, Aminjonov, 2020; Bai, Du, Jin, Wan, 2020; Bol, Giani, Blais, Loewen, 2021; Borgonovi, Andrieu, 2020; Makridis, Wu, 2021; Pitas, Ehmer, 2020].

В современных обзорах делается вывод о взаимном обуславливании эффектов доверия и формальных институтов: при крайне низком качестве государственного управления социальный капитал действительно выполняет функцию «костыля», но по мере улучшения институтов их влияние становится взаимно усиливающим [Alesina, Giuliano, 2015; Helliwell, Huang, Wang, 2014]. Эти неоднозначные результаты ставят вопрос о том, какой механизм доминирует в России, где формальные институты обладают «средней» силой, а социальный капитал исторически фрагментирован. Настоящая статья отвечает на этот вопрос, тестируя взаимодействие индекса качества формальных государственных институтов и обобщённого доверия.

Гипотезы

Формулируя исследовательские гипотезы, мы опираемся на две ключевые ветви литературы об институтах и социальном капитале. Первая ветвь, восходящая к Норт и развиваемая Хелмке и Левитски, акцентирует роль формальных правил и качества государственных институтов в поддержании общественного порядка [North, 1990; Helmke, Levitsky, 2004]. Формальные институты, такие как система здравоохранения, а также полиция и суды, создают стимулы для соблюдения норм через механизмы принуждения и наказания. Исходя из этого, мы ожидаем, что более высокая субъективная оценка качества этих институтов будет ассоциирована с большей строгостью в отношении к нарушениям (и нарушителям) официальных ограничений, поскольку граждане воспринимают такие институты как легитимные и надёжные.

H1. Более высокое качество формальных институтов повышает непримиримость населения к нарушению самоизоляции.

Вторая ветвь литературы опирается на представление о социальном капитале как о «смазке» для социальной системы. Он обеспечивает возможности для кооперации, поскольку обобщённое доверие позволяет опираться на моральные обязательства вместо страха наказания [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995]. Эмпирические исследования подтверждают связь доверия с повышенной законопослушностью, поскольку в обществах с высоким уровнем обобщённого доверия правила соблюдаются добровольно [Knack, Keefer, 1997; Paldam, Svendsen, 2001].

H2. Более высокий уровень обобщённого доверия повышает непримиримость к нарушению самоизоляции.

Центральная интрига нашего исследования состоит в характере взаимодействия этих механизмов. Теория «regulation-as-substitute-for-trust» предполагает, что доверие наиболее ценно при слабых формальных институтах, а его предельная польза снижается по мере укрепления институтов [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010; Djankov et al., 2003]. Межстрановые тесты демонстрируют убывание вклада доверия в рост или инвестиции с улучшением верховенства права [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015; Zak, Knack, 2001].

H3a (субституция). Вклад обобщённого доверия в непримиримость к нарушению самоизоляции уменьшается по мере роста оценки качества институтов.

Альтернативная версия исходит из утверждения, что качественные институты сами формируют культуру доверия, делая её эффективной [Rothstein, Uslaner, 2005; Kumlin, Rothstein, 2005]. Эмпирика периода COVID-19 показывает, что доверие работает лучше всего там, где меры государства воспринимаются как легитимные [Daniele et al., 2020; Bartscher et al., 2021].

НЗв (комплементарность). Вклад обобщённого доверия в непримиримость к нарушению самоизоляции усиливается по мере роста оценки качества институтов.

Гипотезы НЗа и НЗв являются взаимоисключающими — анализ коэффициента взаимодействия позволит определить преобладающий механизм в российском контексте.

Данные

Для анализа используется массив второй волны проекта «Исследования о коронавирусе в регионах России» (RoCIRR 2.0), собранный Международным центром изучения институтов и развития НИУ ВШЭ 25 июля — 12 сентября 2024 г. Онлайн-опрос охватил 10,4 тыс. взрослых жителей 61 региона России и предполагал получение, как минимум, пятнадцати полностью заполненных анкет в каждом из 117 городов численностью свыше 100 тыс. человек. Стратифицированные квоты по полу, возрасту и образованию должны были приблизить выборку к параметрам генеральной совокупности — взрослое население России с доступом к интернету.

Для решения задачи статьи использовались четыре блока переменных:

1) Субъективные оценки качества ключевых государственных услуг¹ — здравоохранения, полиции и судебной системы — нормированы и агрегированы в единую меру качества формальных институтов (Альфа Кронбаха — 0,83).

2) Оценка уровня генерализированного (обобщённого) доверия по стандартному вопросу «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» с двумя вариантами ответа «Большинству можно доверять» или «Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми».

3) Зависимая переменная — ответ на вопрос «Насколько допустимым Вы считаете несоблюдение режима самоизоляции, если государство вводит его для сдерживания распространения инфекции?», от 1 до 10, где 10 — «Абсолютно недопустимо». Отметим, что поскольку опрос проходил в 2024 г., мы оценивали уже не столько поведение в момент пандемии, сколько отношение к важности соблюдения мер самоизоляции, которое сложилось у жителей России по итогу пандемии.

4) Результаты контролируются на широкий спектр социально-демографических и контекстуальных характеристик — пол, возраст, образование, доход, семейное положение, наличие детей разного возраста, тип населённого пункта, религиозную активность, ипотечную нагрузку, привычки медиапотребления и субъективную оценку местной коррупции. В моделях используются фиксированные эффекты по регионам и кластеризация стандартных ошибок на уровне региона. Основные описательные статистики для переменных, используемых в моделях, представлены в Приложении.

В результате мы строим следующую регрессионную модель:

$$y_{ir} = \beta_0 + \beta_1 IQ_{ir} + \beta_2 Trust_{ir} + \beta_3 IQ_{ir} * Trust_{ir} + Control_{ir} + \delta_r + \varepsilon_{ir},$$

где y_i — оценка недопустимости нарушения режима самоизоляции (от 1 до 10) в регионе r для индивида i , β_0 — константа, β_1 и β_2 — коэффициенты регрессии при переменных, IQ_{ir} — индекс оценки качества формальных институтов, $Trust_{ir}$ — бинарная переменная для обобщённого доверия (где 1 — «большинству можно доверять»). $Control_{ir}$ — вектор

¹ Вопросы звучали следующим образом: «Пожалуйста, оцените качество следующих услуг в Вашем городе / населённом пункте»: «Государственное здравоохранение», «Полиция / охрана общественного порядка», «Судебная система». 1 — очень плохое, 10 — очень хорошее. Для создания индекса каждая переменная делилась на 10, а затем считалось среднее. Итоговый индекс качества формальных институтов принимает значения от 0,1 до 1.

социально-демографических и контекстуальных контролей (пол, возраст, образование, доход, семья, дети, религиозность, медиапотребление, наличие ипотеки). δ_r — фиксированные эффекты для региона, ε_{ir} — случайная ошибка. Стандартные ошибки кластеризованы на уровне региона. Базовая модель опускает эффект взаимодействия $\beta_3 IQ_{ir} * Trust_{ir}$.

Результаты

Основные результаты исследования представлены в таблице 1, в которой Модель 1 представляет базовый уровень значимости переменных, а Модель 2 оценивает взаимодействие доверия и качества формальных институтов.

Таблица 1

Регрессионная модель OLS — Недопустимость нарушения изоляции в период COVID-19 (1-10)

	Модель 1	Модель 2
IQ (Качество формальных институтов)	1,105*** (0,140)	0,904*** (0,160)
Trust (Обобщённое доверие)	-0,038 (0,075)	-0,779** (0,244)
IQ × Trust		1,243** (0,389)
Контрольные переменные		
Женщины	0,649*** (0,059)	0,652*** (0,059)
Возраст	0,007 (0,003)	0,007* (0,003)
Образование: среднее профессиональное	0,146 (0,115)	0,146 (0,114)
Образование: высшее	0,247* (0,123)	0,245. (0,123)
Уровень дохода (1-4)	0,068 (0,043)	0,067 (0,043)
В браке или живет с партнёром	0,010 (0,067)	0,008 (0,066)
Есть дети до 10 лет	-0,062 (0,064)	-0,058 (0,064)
Есть дети старше 10 лет	-0,005 (0,062)	-0,004 (0,062)
Часто ходит в церковь	0,137. (0,077)	0,128 (0,077)
Оценка проблемы коррупции в регионе	0,036* (0,016)	0,035* (0,016)
Избегает новостей	-0,024* (0,011)	-0,025* (0,010)
Есть ипотека	0,075 (0,089)	0,076 (0,088)
Размер населенного пункта	Да	Да
Фиксированные эффекты (регион)	Да	Да
Количество наблюдений	10696	10696
R ²	0,025	0,026
R ² Adj.	0,018	0,019

Примечание: $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Стандартные ошибки кластеризируются на уровне региона.

Источник: составлено автором.

Модель 1 показывает, что люди, которые выше оценивают качество формальных институтов в своём городе, чаще считают, что нарушение режима самоизоляции недопустимо. При этом уровень обобщённого доверия сам по себе никак не воздействует на отношение населения к норме соблюдения самоизоляции. Среди социально-демографических характеристик на уровне 5% значимы пол и образование — чаще о необходимости соблюдения правил говорят женщины с высшим образованием. Модель 2, а также рис. 1 показывают эффект взаимодействия между уровнем обобщённого доверия и оценкой качества институтов. Мы видим, что при качестве формальных институтов выше 0.63, обобщённое доверие выступает катализатором. Однако при низком качестве институтов наблюдается отрицательный эффект, что позволяет предположить эффект замещения². Если человек одновременно оценивает качество формальных институтов как высокое, а также доверяет окружающим людям, то он будет относиться к требованию о соблюдении режима самоизоляции более серьёзно. И наоборот — в условиях низкого доверия и плохого качества формальных институтов человек будет более толерантно относиться к нарушению режима самоизоляции.

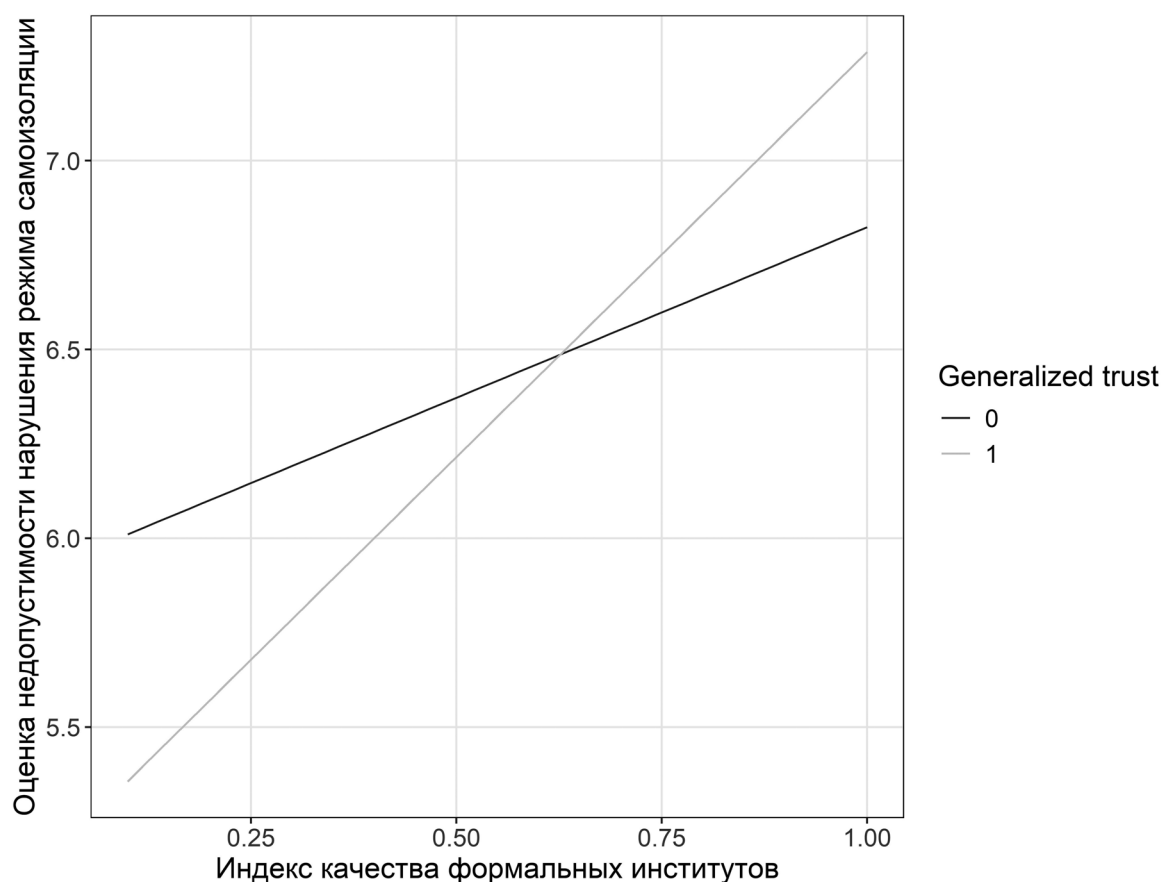

Рис 1. Взаимодействие обобщённого доверия и качества институтов при влиянии на норму соблюдения режима самоизоляции

Источник: составлено автором.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов важно отметить, что исследование имеет методологические ограничения. Во-первых, субъективные оценки качества институтов и доверия подвержены смещениям (как отмечено в [Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001]). Во-вторых, кросс-секционные данные не позволяют строго установить причинность, для установления которой требуется более сложный исследовательский дизайн

² Результаты воспроизводятся также в том случае, если мы построим логистическую регрессию, где в качестве зависимой переменной будет не ответ на 10-ти балльной шкале, а бинарный ответ (укрупнённый от 1 до 5 и от 5 и выше).

[Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015]. В-третьих, мы фокусируемся только на России, а также используем данные онлайн-опроса, что ограничивает потенциал для обобщения результатов, а также оставляет пространство для смещений. Несмотря на это, полученные результаты вносят вклад в научную литературу, позволяя сделать довольно чёткий и обоснованный выбор между двумя объяснительными моделями взаимодействия формальных и неформальных институтов.

Дискуссия и заключение

Полученные результаты подтверждают тезис о взаимном дополнении обобщённого доверия и развитых формальных институтов при соблюдении норм в кризисный период. В отличие от модели замещения, где недоверие усиливает спрос на регулирование, что, в свою очередь, снижает развитие доверия (как показали [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010] на данных по различным странам), и где институциональные провалы компенсируются социальным капиталом для снижения издержек беспорядка [Djankov et al., 2003], наши результаты говорят скорее о синергетическом эффекте: обобщённое доверие усиливает эффект качества институтов. Однако при низком качестве институтов высокое обобщённое доверие может снижать потребность в строгом регулировании.

Этот вывод согласуется с подходами, согласно которым равенство и беспристрастные институты формируют доверие (см. например: [Rothstein, Uslaner, 2005] и их аргумент про «всё для всех» через снижение коррупции), а универсальные институты благосостояния формируют социальный капитал [Kumlin, Rothstein, 2005]. При этом гражданский капитал усиливает экономическую устойчивость [Guiso et al., 2011]. Это особенно актуально для переходных экономик, подобных России, где формальные институты имеют провалы или находятся в стадии формирования [Borisova, Polishchuk, Peresetsky, 2014; Borisova, Govorun, Ivanov, 2017].

Теоретический вклад настоящего исследования — это новое эмпирическое подтверждение условности «чистых» эффектов доверия или формальных институтов. Мы показываем, что важно именно их взаимодействие. Можно предположить, что взаимодополняемость неформальных и формальных институтов доминирует при умеренном качестве последних. Эта работа также дополняет литературу, развивающую аргументы о нелинейности взаимосвязи, при которой вклад социального капитала в рост снижается в контексте сильных институтов [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015].

Интересные выводы касаются механизмов: доверие не просто замещает, а стимулирует добровольное соблюдение норм, когда институты считаются надёжными (аналогичные результаты показали [Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001]). В контексте COVID-19 это объясняет, почему страны и регионы с высоким доверием лучше справлялись с ограничениями [Bartscher et al., 2021; Bargain, Aminjonov, 2020, Sarracino et al., 2023], но при этом эффект растёт при сильных институтах, как показывают обзоры [Devine, Gaskell, Jennings, Stoker, 2021; Bol, Giani, Blais, Loewen, 2021]. Для России это исследование подчёркивает роль горизонтальных сетей в компенсации институциональных провалов [Paldam, Svendsen, 2001; Borisova, Govorun, Ivanov, Levina, 2018], но также указывает и на уязвимость: низкое социальное доверие может ослабить даже качественные меры государственной поддержки [Макушева, Нестик, 2020].

Практические рекомендации могут быть ориентированы на управление кризисами, подобными пандемии COVID-19. Во-первых, можно улучшать качество институтов через повышение прозрачности и эффективность услуг, что напрямую повысит соблюдение правил (как показано в [Kumlin, Rothstein, 2005; Helliwell, Huang, Wang, 2014]). Во-вторых, можно инвестировать в развитие социального капитала через кампании по укреплению доверия (например, информационные инициативы), по аналогии с успешными международными

кейсами [Borgonovi, Andrieu, 2020; Bai, Du, Jin, Wan, 2020; Chen, Peng, Rieger, Wang, 2021]. При этом, безусловно, следует отметить, что формирование доверия — очень длительный и сложный процесс. В-третьих, крайне важно учитывать взаимодействие этих двух факторов. Например, в регионах с низким доверием следует фокусироваться на институциональных реформах; в доверяющих — на вовлечении локальных сообществ [Annen, 2013; Pitas, Ehmer, 2020; Wu, 2021], которое может катализировать эффекты формальных институтов. Подобные меры [Xue, Reed, Menclova, 2020; Alesina, Giuliano, 2015] могут снизить уязвимость к будущим кризисам и повысить устойчивость [Romano et al., 2021; Besley, Dray, 2021].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описательная статистика

	N	Mean	SD	Min	P25	P50	P75	Max
Недопустимость нарушения самоизоляции (1–10)	11495	6,18	3,05	1,00	5,00	6,00	9,00	10,00
Индекс качества формальных институтов	11495	0,54	0,21	0,10	0,40	0,53	0,67	1,00
Обобщённое доверие	10696	0,17	0,38	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00
Пол	11533	0,52	0,50	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Возраст	11533	41,51	9,64	3,00	35,00	41,00	48,00	90,00
Оценка уровня дохода	11495	2,46	0,79	1,00	2,00	2,00	3,00	4,00
В браке или с партнёром	11700	0,66	0,47	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Дети до 10 лет	11700	0,47	0,50	0,00	0,00	0,00	1,00	1,00
Дети старше 10 лет	11700	0,53	0,50	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Часто ходят в церковь	11495	0,16	0,37	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00
Оценка коррупции в регионе (1–10)	11495	5,97	2,19	1,00	5,00	5,00	7,00	10,00
Стараются избегать новостей (1–10)	11495	3,96	3,20	1,00	1,00	3,00	6,00	10,00
Есть ипотека	11700	0,14	0,35	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00

Категориальные переменные

		N	Percent
Уровень образования	Начальное / Среднее общее	1187	10,15
	Среднее специальное	3568	30,50
	Высшее +	6740	57,61
Размер населённого пункта	Деревня / малый город	2987	25,53
	Город до 249 тыс.	2185	18,68
	Город до 500 тыс.	2425	20,73
	Город до 1 млн	1369	11,70
	Город от 1 млн	2734	23,37

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии [Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020). Social and psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №6. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.
- Ahlerup P., Olsson O., Yanagizawa D. (2009). Social capital vs institutions in the growth process // *European Journal of Political Economy*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–14.
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and Distrust // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 125. No. 3. Pp. 1015–1049. DOI: 10.1162/qjec.2010.125.3.1015.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Annen K. (2013). Social capital as a substitute for formality: Evidence from Bolivia // *European Journal of Political Economy*. Vol. 31. Pp. 82–92. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.04.002.
- Bai J. (Jianqiu), Du S., Jin W., Wan C. (2020). *The Impact of Social Capital on Individual Responses to COVID-19 Pandemic: Evidence from Social Distancing*. — Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI: 10.2139/ssrn.3609001.
- Bargain O., Aminjonov U. (2020). Trust and compliance to public health policies in times of COVID-19 // *Journal of Public Economics*. Vol. 192. Pp. 104–316. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2020.104316.
- Bartscher A.K., Seitz S., Siegloch S., Slotwinski M., Wehrhöfer N. (2021). Social capital and the spread of COVID-19: Insights from European countries // *Journal of Health Economics*. Vol. 80. Pp. 102–531. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2021.102531.
- Bénabou R., Tirole J. (2011). *Laws and Norms* / National Bureau of Economic Research. Working Papers. No. 17579.
- Besley T., Dray S. (2021). Institutions, Trust and Responsiveness: Patterns of Government and Private Action During the COVID-19 Pandemic // *LSE Public Policy Review*. Vol. 1. No. 4. DOI: 10.31389/lseppr.30.
- Bjørnskov C. (2008). Social Trust and Fractionalization: A Possible Reinterpretation // *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 3. Pp. 271–283. DOI: 10.1093/esr/jcn004.
- Bol D., Giani M., Blais A., Loewen P. J. (2021). The effect of COVID-19 lockdowns on political support: Some good news for democracy? // *European Journal of Political Research*. Vol. 60. No. 2. Pp. 497–505. DOI: 10.1111/1475-6765.12401.
- Borgonovi F., Andrieu E. (2020). Bowling together by bowling alone: Social capital and COVID-19 // *Social Science & Medicine*. Vol. 265. Pp. 113–501. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113501.
- Borisova E., Polishchuk L., Peresetsky A. (2014). Collective management of residential housing in Russia: The importance of being social // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 3. Pp. 609–629.
- Borisova E., Govorun A., Ivanov D. (2017). Social capital and support for the welfare state in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 5. Pp. 411–429. DOI: 10.1080/1060586X.2017.1348588.
- Borisova E., Govorun A., Ivanov D., Levina I. (2018). Social capital and preferences for redistribution to target groups // *European Journal of Political Economy*. Vol. 54. Pp. 56–67. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.05.006.
- Borisova E., Smyth R., Zakharov A. (2024). Autocratic Policy and the Accumulation of Social Capital: The Moscow Housing Renovation Program // *American Political Science Review*. Vol. 118. No. 3. Pp. 1110–1130. DOI: 10.1017/S0003055423000941.
- Chen D., Peng D., Rieger M.O., Wang M. (2021). Institutional and cultural determinants of speed of government responses during COVID-19 pandemic // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 8. No. 1. Pp. 171. DOI: 10.1057/s41599-021-00844-4.
- Coleman J.S. (1990). *Foundations of Social Theory*. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Daniele G., Martinangeli A. F. M., Passarelli F., Sas W., Windsteiger L. (2020). *Wind of Change? Experimental Survey Evidence on the COVID-19 Shock and Socio-Political Attitudes in Europe*. — Munich: CESifo. (CESifo Working Paper; no. 8517). DOI: 10.2139/ssrn.3671674.
- Devine D., Gaskell J., Jennings W., Stoker G. (2021). Trust and the Coronavirus Pandemic: What are the Consequences of and for Trust? An Early Review of the Literature // *Political Studies Review*. Vol. 19. No. 2. Pp. 274–285. DOI: 10.1177/1478929920948684.
- Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2003). The new comparative economics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. No. 4. Pp. 595–619. DOI: 10.1016/j.jce.2003.08.005.
- Fukuyama F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity: The New Foundations of Global Prosperity*. — New York: The Free Press.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2011). Civic capital as the missing link // *Handbook of Social Economics*. Pp. 417–480.
- Helliwell J. F., Huang H., Wang S. (2014). Social Capital and Well-Being in Times of Crisis // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 145–162. DOI: 10.1007/s10902-013-9441-z.
- Helmke G., Levitsky S. (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. Vol. 2. No. 4. Pp. 725–740.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 4. Pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475.

- Kumlin S., Rothstein B. (2005). Making and Breaking Social Capital: The Impact of Welfare-State Institutions // *Comparative Political Studies*. Vol. 38. No. 4. Pp. 339–365. DOI: 10.1177/0010414004273203.
- Makridis C.A., Wu C. (2021). How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic // *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 1. P. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135.
- Méon P.-G., Sekkat K. (2015). The formal and informal institutional framework of capital accumulation // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. No. 3. Pp. 754–771.
- North D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Paldam M., Svendsen G. (2001). Missing social capital and the transition in Eastern Europe // Written for *Journal of institutional innovation, development and transition*. Vol. 5. Pp. 21–34.
- Pitas N., Ehmer C. (2020). Social capital in the response to COVID-19 // *American journal of health promotion: AJHP*. Vol. 34. No. 8. Pp. 942–944. DOI: 10.1177/0890117120924531.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Romano A., Spadaro G., Balliet D., Joireman J., Van Lissa C., Jin S., Agostini M., Bélanger J. J., Gützkow B., Kreienkamp J., Leander N. P. (2021). Cooperation and Trust Across Societies During the COVID-19 Pandemic // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 52. No. 7. Pp. 622–642. DOI: 10.1177/0022022120988913.
- Rothstein B., Uslaner E.M. (2005). All for All: Equality, Corruption, and Social Trust // *World Politics*. Vol. 58. No. 1. Pp. 41–72. DOI: 10.1353/wp.2006.0022.
- Sarracino F., Greyling T., O'Connor K., Peroni C., Rossouw S. (2023). *Trust Predicts Compliance with Covid-19 Containment Policies: Evidence from Ten Countries Using Big Data*. — Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI: 10.2139/ssrn.4590902.
- Weingast B.R. (1997). The Political Foundations of Democracy and the Rule of the Law // *American Political Science Review*. Vol. 91. No. 2. Pp. 245–263. DOI: 10.2307/2952354.
- Wu C. (2021). Social capital and COVID-19: a multidimensional and multilevel approach // *Chinese Sociological Review*. Vol. 53. No. 1. Pp. 27–54.
- Xue X., Reed W.R., Menclova A. (2020). Social capital and health: a meta-analysis // *Journal of Health Economics*. Vol. 72. Pp. 102317. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2020.102317.
- Zak P.J., Knack S. (2001). Trust and Growth // *The Economic Journal*. Vol. 111. No. 470. Pp. 295–321. DOI: 10.1111/1468-0297.00609.

Казун Антон Павлович

akazun@hse.ru

Anton Kazun

PhD (Sociology), Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Assistant Professor at the Department of Applied Economics, HSE University (Moscow)

akazun@hse.ru

BOTH TRUST AND LAW: HOW SOCIAL CAPITAL AND FORMAL INSTITUTIONS INFLUENCE COMPLIANCE WITH COVID RESTRICTIONS

Abstract. This article analyzes the interaction between social capital and formal institutions in the context of compliance with restrictive measures during the COVID-19 pandemic in Russia. Developing a theoretical framework based on concepts of social capital and institutional economics, the study tests hypotheses regarding the substitution or complementarity of these mechanisms. Drawing on data from the online survey “RoCIRR 2” (more than 10,000 respondents from 61 regions of Russia in 2024), it examines the influence of generalized interpersonal trust and subjective assessments of the quality of public services (healthcare, police, courts) on the population’s degree of intolerance to violations of the self-isolation regime. Hypotheses are formulated about the positive effect of institutional quality and trust, as well as their interaction as substitution or mutual reinforcement. OLS models with fixed regional effects and controls show that trust has no independent effect but enhances the influence of institutional quality at high assessments. At low institutional quality, trust reduces the need for regulation. The results contribute to understanding the role of informal norms under conditions of moderately developed formal institutions, which are characteristic of Russia. The conclusions have implications for policies aimed at increasing the population’s readiness to follow government directives in crises, emphasizing the need to strengthen both trust and formal institutions.

Keywords: social capital, formal institutions, trust, COVID-19, norm compliance.

JEL: Z13, I12, O17, P37.